

«Нет недостатка в путях или способах разъять
и измерить жалкие наши дни, кои нам, однако,
должно не растрчивать зря и не проводить впустую,
безо всякой пользы, не оставив по себе памяти
в людских помыслах».

Леонардо да Винчи

CARLO VECCE

Leonardo, la vita

Il ragazzo di Vinci,
l'uomo universale,
l'errante

КАРЛО ВЕЧЧЕ

Жизнь Леонардо

мальчишки из Винчи,
разностороннего гения,
скитальца

Колibri
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(4Вел) – 44
В11

Carlo Vecce
LEONARDO, LA VITA
Il ragazzo di Vinci, l'uomo universale, l'errante

Перевод с итальянского Андрея Манухина

- Вечче К.
В11 Жизнь Леонардо, мальчишки из Винчи, разностороннего гения, скитальца / Карло Вечче ; [пер. с ит. А. С. Манухина]. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2025. – 608 с. : ил. – (Персона).

ISBN 978-5-389-25935-5

Это история простого деревенского мальчишки. Внебрачного сына нотариуса и черкесской рабыни – сильной, юной женщины, чужестранки из дальних краев. Леонардо, имя, означающее свободу, вероятно, дала сыну именно она.

Как смог я рассказать эту историю? Прежде всего – прислушавшись к голосам современников самого Леонардо, свидетельствам неполным, зато полученным из первых уст, воспоминаниям тех, кто знал его лично, к документам и бумагам родных, контрактам, письмам, хроникам, налоговым декларациям, доносам и материалам судебных процессов, отчетам послов, записным книжкам художников и инженеров, славословиям придворных поэтов, путевому дневнику кардинальского секретаря.

Художник божественный, однако слишком «разнообразный и нестабильный» в своей изобретательности, слишком стремящийся к совершенству, и потому практически неспособный закончить собственные работы; разносторонний гений, маг и колдун, святой и демон, сверхчеловек, провозвестник современной науки. Но где же он сам, тот мальчишка из Винчи?

Лично я предпочитаю другой голос, ясный и правдивый: его собственный. Свидетельства, состоящие из слов и образов. Потока слов, ежедневных записей, тысяч и тысяч страниц тетрадей, записных книжек, разрозненных листов; образов, запечатленных в сотнях рисунков, набросков, эскизов, нескольких великолепных картинах. Возможно, это и есть величайшее из изобретений Леонардо, невероятная по своей новизне форма глобальной коммуникации. Открытая, свободная манера письма, не признающая границ и иерархий. Манера «будущего», вызов времени и смерти. Безмерная работа, демонстрация поразительного ума, не связанного схемами и предрассудками, оставляющего открытыми все возможные пути. Настоящая песня свободы.

Карло Вечче

УДК 821.111
ББК 84(4Вел) – 44

ISBN 978-5-389-25935-5

© 2024 by Giunti Editore S.p.A., Firenze-Milano
www.giunti.it

© Манухин А. С., перевод на русский язык, 2025

© Издание на русском языке.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2025
КоЛибри®

ВВЕДЕНИЕ

Это история простого деревенского мальчишки. Внебрачного сына нотариуса и рабыни, сильной, чуть диковатой юной женщины, чужестранки из дальних краев; такого же, как она, необузданного и непоседливого. Предоставленный самому себе, этот мальчишка при любой возможности мчится босиком вдоль ручья прямо к матери, которая, обретя наконец свободу, трудится в полях, начинающихся сразу за городом. Он отчаянно нуждается в ней, в ее объятиях, ее улыбке. И она щедро дарит ему все, что у нее есть, передает то, чем дышит сама: любовь, дух свободы, абсолютное уважение к жизни и каждому живому существу, чувство прекрасного, умение мечтать, выдумывать, понимать, видеть глубинную суть вещей. И даже имя, означающее свободу, Леонардо, вероятно, дала сыну именно она.

Годы летят стремительно, и вот уже этот мальчишка – очаровательный подросток с ангельским личиком в обрамлении водопада светлых кудрей. Во Флоренции, сердце эпохи Возрождения, он учится в мастерской художника, в Милане заслуживает всеобщее восхищение исключительным умом, благородными манерами и обходительностью. Как никто другой владея карандашом и красками, Леонардо, кажется, способен осуществить любую идею, создать самые невероятные произведения инженерии и архитектуры, необычайные машины, предназначенные как для мира, так и для войны. Он божественно играет на лире, высок, силен, утончен в чертах

и склонностях, одевается исключительно по моде: в розовый плащ до колен и тонкие облегающие чулки. Леонардо красив и, зная это, любит себя показать: отпускает волосы, унижает пальцы кольцами. В этом разностороннем человеке не признать былого строптивого, нелюдимого мальчишку. Однако мальчишка по-прежнему здесь, внутри него. И занят он тем же, что и всегда: играет, мечтает, воображает.

Затем снова начинаются переезды, странствия. Леонардо нет покоя, он никак не может усидеть на месте. Вокруг него все в беспорывном движении. Мир нестабилен в своей вечной метаморфозе: реки текут к морю, морская гладь словно дышит, вздымаясь и опускаясь с приливами, облака плывут в синеве, в бесконечной ночи теляются звезды, ветер и вода разрушают горы, а все живые существа на свете рождаются, растут, умирают и возрождаются вновь. Он же, скиталец, все шагает дорогами мира, блуждая, сбиваясь с пути, но ни на миг не останавливаясь, не оглядываясь назад. Что он ищет? Какие вопросы без конца себе задает, на какие из них не может ответить? Сколько незавершенных работ он оставил позади, сколько исследований, едва начатых и тотчас же прерванных, сколько грандиозных проектов, так и подвисших в воздухе? Впрочем, разве это имеет значение? Полностью отдавшись движению, Леонардо не замечает, как уходит время, а сам он понемногу превращается в старика-пилигрима, чьи волосы, столь же седые, сколь и борода, становятся все длиннее и тоньше. Древний философ, маг, жрец некой мудрой религии – вот образ, безжалостно отраженный зеркалом. Но Леонардо знает, что это лишь маска, а не живое лицо. Бездна, разверстая в его душе, бесконечная боль ребенка, разлученного с матерью: кому под силу такое понять?

Как смог я рассказать эту историю? Прежде всего – прислушавшись к голосам современников самого Леонардо, свидетельствам неполным, зато полученным из первых уст, временами суховатым и скудным, но неизменно конкретным, сотканным из плоти и крови воспоминаниям тех, кто знал его лично или хотя бы записал то, что о нем слышал: к документам и бумагам родных, контрактам, письмам, хроникам, налоговым декларациям, доносам и материалам судебных процессов, отчетам послов, записным книжкам художников и инженеров, словословиям придворных поэтов, путевому дневнику кардинальского секретаря.

Кое-какие сведения начал собирать во Флоренции между 1516 и 1525 годами некий Антонио Билли. Его заметки утеряны, но сохранилась более поздняя частичная транскрипция¹. Другое собрание, относящееся примерно к 1540 году, принадлежит перу анонимного автора, ныне известного как «Гаддианский аноним», поскольку манускрипт, включающий его записки, происходит из библиотеки флорентийской семьи Гадди². Это еще не настоящие биографии, а скорее их зачатки, вроде той, что написана на латыни выдающимся историком-гуманистом Паоло Джовио, которому довелось встречать Леонардо в 1510–1511 годах в Милане и Павии и в 1513–1516 годах в Риме. Составленное около 1540 года, его «жизнеописание» оставалось неопубликованным вплоть до конца XVIII века. Зато получила известность «Жизнь Леонардо да Винчи» флорентийского художника и скульптора Джорджо Вазари, открывающая третью часть его «Жизнеописаний наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих, от Чимабуэ до наших дней», впервые напечатанных во Флоренции Торрентино в 1550 году, а затем, во втором, расширенном издании, – семейством Джунти в 1568 году.

Тут-то и начинается миф. После смерти Леонардо снова начинает путешествовать во времени, поначалу обретая статус всего лишь художника – божественного, однако слишком «разнообразного и нестабильного» в своей изобретательности, слишком стремящегося к совершенству, и потому практически неспособного закончить собственные работы; затем, вплоть до сегодняшнего дня, – разностороннего гения, мага и колдуна, напрямую связанного с таинствами природы, романтического героя и декадента, денди и эстета, святого и демона, Христа и Антихриста, великого посвященного, сверхчеловека, одинокого титана и провозвестника современной науки и техники, гроссмейстера некоей малоизвестной секты спиритов-«иллюминатов», мировой поп-иконы, в которой воплощено все сущее и не сущее. Игры отражений, где образ бесконечно множится, смешиваясь со всеми тревогами и треволнениями нашего времени. Но где же он сам, тот мальчишка из Винчи? Где прячется?

¹ Кодекс Мальябекки XIII 89, Национальная центральная библиотека, Флоренция, лист 50r. (*Здесь и далее – прим. авт., кроме указанных отдельно.*)

² Кодекс Мальябекки XVII 17, Национальная центральная библиотека, Флоренция, листы 88r-о и 90r.

Лично я предпочитаю другой голос, ясный и правдивый: его собственный. Свидетельства, состоящие из слов и образов. Потока слов, ежедневных записей, тысяч и тысяч страниц тетрадей, записных книжек, разрозненных листов; образов, запечатленных в сотнях рисунков, набросков, эскизов, нескольких великолепных картинах. Возможно, это и есть величайшее из изобретений Леонардо, невероятная по своей новизне форма глобальной коммуникации. Графический знак, неизменно встающий между устной и письменной речью, словом и изображением в попытке уловить и представить все разнообразие, подвижность, непостоянство природы в ее вечном развитии. Открытая, свободная манера письма, не признающая границ и иерархий. Манера «будущего», вызов времени и смерти. Безмерная работа, демонстрация поразительного ума, не связанного схемами и предрассудками, оставляющего открытыми все возможные пути. Настоящая песня свободы.

Как ни странно, этот голос, кажется, куда ближе нам, чем современникам самого Леонардо. До конца XVIII века корпус его рукописей, надежно упрятанный по нескольким библиотекам и частным коллекциям, практически не исследовался, собственноручные живописные произведения можно было пересчитать по пальцам, а прочее и вовсе считалось легендами.

Повторное открытие настоящего Леонардо, начиная с обнаружения и публикации кодексов и рисунков и заканчивая самыми передовыми технологиями, применяемыми для изучения и реставрации картин, – история уже нашего времени. Сравнительно недавно мы впервые за пятьсот лет смогли разглядеть в таких произведениях, как «Поклонение волхвов», «Мадонна в скалах» и даже «Джоконда», детали, известные ранее лишь самому Леонардо: развитие изначальных задумок, черновики и наброски его собственного видения. И только тогда поняли, что эти работы вовсе не были «незавершенными». Мы поняли, почему художник пожелал навсегда оставить их именно такими, почему не стал заканчивать: ведь они – часть его души и тела, а разрываться на части он не мог и не умел. Его картины – лаборатории, строительные площадки мечты, работы, передающие всю сложность и тайну бытия. Их красота – это красота Творения, которая приближает их к Богу.

Слышать голос Леонардо – что может быть лучше? Делая записи, он словно бы разговаривает сам с собой: задает себе вопросы и тут же на

них отвечает, выдумывает собеседника, оппонента, чье мнение нужно опровергнуть, или ученика, ребенка, которого можно чему-то научить. Этот голос – теплый, спокойный, он обожает рассказывать смешные истории и сказки о животных, потом, не меняя тона, переходит к описаниям явлений природы и вдруг взлетает ввысь в чарующих стихах, заставляя раскрыть рот перед величественными чудесами творения, или, уязвленный людской злобой и безумием, предается гневу, сарказму, мрачной обреченности. Этот голос – личностный и личный, временами настолько задушевный, что заглядывать в его внутренний мир становится почти стыдно.

Блуждая по лабиринтам рукописей и рисунков Леонардо, я слушаю этот голос уже много лет. За столь долгое время мне посчастливилось под руководством таких мастеров, как Карло Педретти и Паоло Галлуцци¹, проанализировать и опубликовать его тексты, поистине литературные произведения: «Трактат о живописи» и Кодекс Арундела. В исследовании его библиотеки, организованном Национальной академией деи Линчеи и распространяемом в интернете через портал флорентийского музея Галилея², я пытался воссоздать культурный горизонт человека, на самом деле никогда не бывшего «*homo sanza lettere*»³.

Возможно, поначалу, с тех пор как в возрасте пятнадцати лет я почти случайно прочел эссе Фрейда «Воспоминания Леонардо да Винчи о раннем детстве», меня привлекали в первую очередь его человеческие приключения. Для подростка, задававшегося вопросами о жизни, красоте, любви, сексе, эта встреча с Леонардо оказалась первой. И когда я снова и снова видел это имя на страницах разнообразных кодексов, меня особенно интересовал сюжет о человеке в окружении других людей.

Его жизнь я также частично описал более двадцати пяти лет назад в монографии, удостоившейся перевода сразу на несколько

¹ Leonardo da Vinci. *Libro di pittura* (факсимильное издание Ватиканского кодекса 1270 из Урбинской библиотеки под редакцией К. Педретти, критическая транскрипция К. Вечче). Firenze: Giunti, 1995; Leonardo da Vinci. *Il Codice Arundel 263 nella British Library* (факсимильное издание Кодекса Арундела 263 с хронологической нумерацией листов, под редакцией К. Педретти, транскрипция и критический комментарий К. Вечче). – Firenze: Giunti, 1998, в серии «Национальное издание рукописей и рисунков Леонардо да Винчи».

² *La biblioteca di Leonardo* (под редакцией К. Вечче). Firenze: Giunti, 2021.

³ Человеком без книжного образования, не владеющим латынью (*лат.* – *прим. пер.*).

иностранных языков¹. Однако история эта слишком грандиозна: даже вообразив, будто охватил ее целиком, вскоре понимаешь, что держал в объятиях лишь тень, а жизнь, настоящая, реальная жизнь, давно сбежала. В такие моменты я возвращался в лабиринт и, исследуя мельчайшие детали, тешил себя иллюзией, что уж на этот-то раз точно успею схватить ее за руку и крепко сжать, прежде чем она снова исчезнет. Слова, исправленные, зачеркнутые и подчеркнутые, очевидно бессмысленные символы и т. д., названия мест, имена родных, друзей и учеников, даты и признаки времени, перечни книг и вещей, ежедневные списки покупок, подсчеты наличных денег, воспоминания и откровения, триумфы и поражения – вот из чего мало-помалу, в совокупности с документами, исследованиями, находками последних двадцати лет, сложилась эта новая «жизнь».

И все-таки кое-чего мне не хватало. самого важного фрагмента мозаики: Катерины, матери². Именно она – тот луч, что освещает жизнь ее сына, приближает нас к нему во вполне человеческом измерении, дает понять, что тайна его творчества состоит не из непостижимых и темных загадок, а из простых и безграничных тайн самой природы: любви, рождения и родов, страданий и радостей, жизни и смерти. Это история мучений и боли, надежды и свободы, история женщины, бесправнейшего существа на земле, подарившей жизнь величайшему гению человечества. А по сути – не что иное, как история любви матери и ребенка. История разлук и потерь. Сколько на свете миллиардов подобных историй – и каждая уникальна, неповторима, прекрасна. Это история каждого из нас. И он, ребенок, Леонардо, всю свою жизнь потратит на то, чтобы отыскать, вернуть из глубин собственного сердца эти ласкающие руки и лучезарную улыбку.

¹ С. Vecce. *Leonardo*. – Roma: Salerno Editrice, 1998 (второе издание – 2006).

² С. Vecce. *Il sorriso di Caterina. La madre di Leonardo*. Firenze: Giunti, 2023 (на русском языке: К. Вечче. *Улыбка Катерины. История матери Леонардо*. – М.: Иностранка, 2024); С. Vecce. *Per Caterina* // “Leonardiana”, 1 (2023), 11–48.

I
МАЛЬЧИШКА
ИЗ ВИНЧИ

1

ТРИ ЧАСА ПОСЛЕ ЗАХОДА СОЛНЦА

Анкиано близ Винчи, 15 апреля 1452 года

Солнце садится. Темной громадой маячит в тумане далекая гора, блеснит речная гладь. Едва стихло среди скал Монт-Альбано эхо ангелуса, и вот уже колоколу на башне Санта-Кроче в Винчи вторит колокол поскромнее, зато и поближе – в сельской церкви Санта-Лючия-а-Патерно.

Подходит к концу пятница – такой же день, что и вчера, такой же, как любой другой. Крестьяне заканчивают работу среди оливок, женщины, выйдя на порог, благоговейно осеняют себя крестным знаменем. Молятся за женщину, которую привезли сегодня в старый дом при маслодавильне, что под старой голубятней. Девять месяцев завершились, воды уже отошли, и теперь в тишине оливковой рощицы слышны только ее душераздирающие крики. Мария, мать всего сущего, помоги ей, спаси!

Через три часа после захода солнца¹ крики вдруг обрываются. А несколько мгновений спустя под первыми звездами, загоревшимися в ясном весеннем небе, слышится плач младенца.

Кто его мать? Никто не знает, она неместная. Знают отца, молодого нотариуса, сера Пьеро да Винчи, правда, живет он во Флоренции.

¹ *Через три часа после захода солнца* – в те времена в Италии отсчет часов нового дня начинался с заходом солнца, поэтому третий час ночи субботы, 15 апреля 1452 года, соответствует, по нынешнему исчислению, 22:30 предыдущего дня.

И не женат, так что ребенок этот, как говорится, *добрых кровей*, но незаконный по рождению.

Однако отец Пьеро, восьмидесятилетний Антонио, нисколько не смущаясь, тотчас же принимает малыша в семью, и плевать ему на пересуды. Еще бы: чудо, милость Божья, первый внук, которого старик, чья долгая жизнь близится к концу, и не чаял увидеть.

Старый дом при маслодавильне, где родился мальчик, расположен не в Винчи, в черте городских или, тем более, замковых стен, а чуть выше по склону, в Анкиано. И старик Антонио этот дом прекрасно знает, поскольку упоминал его в собственноручно написанном документе, неформальном договоре, датированном 18 октября 1449 года.

Сам Антонио – не нотариус, но читать и писать умеет, к тому же повидал свет и никогда не пренебрегает просьбами земляков выступить в их спорах и соглашениях в качестве посредника, поверенного или миротворца. Пару лет назад его даже оторвали от партии в триктрак, которую старик играл с соседом в своем доме в Винчи, у самой городской мельницы, чтобы составить договор аренды на маслодавильню в Анкиано. Владельцем ее был сер Томме ди Марко ди Томмазо Браччи, еще один флорентийский нотариус; арендаторами выступали Орсо ди Бенедетто и Франческо ди Якопо. При подготовке документа присутствовали также два флорентийских таможенника, следившие за округой и перевалами Монт-Альбано¹.

Анкиано – крохотная деревушка неподалеку от Винчи, в таком же крохотном приходе Санта-Лючия-а-Патерно. Однако пункт это стратегический, поскольку стоит он на древней дороге через Монт-Альбано, что взбирается к башне Сант-Аллучо, чтобы затем спуститься по противоположному склону в сторону Карминьяно и Бачерето. Некогда здесь высился замок гибеллинов, непрерывно воевавших с гвельфами Винчи и Флоренции, но в 1327 году флорентийцы в конце концов его разрушили. Осталась лишь кучка крестьянских хижин на вершине хребта: с одной стороны – ущелье, с другой – бескрайняя равнина, царство ветра и облаков, простирающееся за гнилыми испарениями болот Фучеккьо, от белых вершин Апуанских Альп до Пизанских гор и неверной линии моря на горизонте.

¹ ГАФ, «Религиозные объединения, упраздненные французским правительством», 43, 12, 5, 1.

Именно здесь, согласно древнему преданию жителей Винчи, и появился на свет наш малыш. Предание это подтверждается недавними архивными исследованиями: крестными ему станут не только соседи деда Антонио по Винчи, но и все, кто так или иначе связан с Анкиано и Санта-Лючия-а-Патерно: одни там родились, у других – дом или участок, кто-то работает на земле, кто-то женился на тамошней девушке, кто-то перевез в деревушку престарелую мать.

Старый дом, пускай и сильно перестроенный за столь долгое время, по-прежнему стоит среди олив: одноэтажный, с тремя просторными комнатами, мощным кирпичным полом, очагом и глубокими нишами в массивных стенах, где хранили инструменты и предметы обихода; рядом – здание поскромнее, в глубине которого расположена хлебная печь с топкой в полуподвале и узким проходом, ведущим во внутренний двор, а ниже открывается густо поросший кустарником склон.

Маслодавильня, до 1445 года принадлежавшая флорентийскому нотариусу серу Лодовико ди сер Дуччо Франчески, а затем серу Томме, после смерти последнего в 1479 году перейдет к флорентийским сервитам, то есть к важнейшему для нас монастырю Сантиссима-Аннунциата.

По счастливому совпадению, поверенным монахов будет как раз отец малыша, сер Пьеро, который в 1482 году, желая устроить в Анкиано небольшую гостиницу, «постоялый двор» для проходящих мимо путешественников и пилигримов, выкупит дом, восстановит его и даже закрепит на стене фамильный герб, однако из этой затеи ничего не выйдет. С тех пор дом так и останется во владении семьи да Винчи. Наследники сера Пьеро переберутся туда после его смерти в 1504 году и продолжат жить, поколение за поколением, до 1624 года, когда фра Гульельмо, последний потомок другого Гульельмо, сына сера Пьеро, подарит участок своей обители, Санта-Лючия-алла-Кастеллина.

Таким образом, в 1452 году ни дом, ни маслодавильня Антонио или серу Пьеро не принадлежали. Возможно, именно поэтому Анкиано куда лучше, чем городской дом в Винчи, мог обеспечить роженице покой и укрытие от нескромных взглядов, столь необходимые для счастливого завершения внебрачной беременности.

«НАРЕЧЕН ЛИОНАРДО»

Винчи, 16 апреля 1452 года

Однако теперь этот нежный плод греха нужно как можно скорее окрестить, иначе если он вдруг умрет, то навечно угодит в лимб, где нет ни боли, ни радости.

Происходит это, вероятно, уже на следующий день, в белое воскресенье¹, в простой каменной купели церкви Санта-Кроче в Винчи. Крещение совершает приходской священник, дон Пьеро ди Бартоломео Паньека. И пусть ни отца, ни матери рядом нет, но добрых людей на торжестве хватает и без них. Людей из Винчи.

Вот они, свидетели того крещения, едва войдя в церковь, сразу направляются посмотреть на очаровательного младенца, глядящего на мир широко распахнутыми глазами.

Папино ди Нанни Банти – мелкий землевладелец, скромный торговец посудой и бакалейщик, и с ним Мео ди Тонино Мартини, арендатор.

Арриго ди Джованни Тедеско – управляющий землями и фермой Феррале, что принадлежат влиятельной флорентийской семье Ридольфи: в приходской церкви Винчи его трудами заложена капелла Санта-Барбара.

¹ *Белое воскресенье* – воскресенье, следующее за пасхальным и завершающее Пасхальную октаву (*прим. пер.*).

Богатый землевладелец Пьеро ди Андреа Бартолини по прозвищу Сыч, с приятелем-кузнецом Нанни ди Венцо, взявшим с собой шестнадцатилетнюю дочь Марию: они свояки, поскольку женаты на сестрах, Менике и Фьоре, дочерях Барны ди Нанни и монны Николозы.

Сама монна Николоза, вдова, живущая в Меркатале, тоже в числе крестных. Она привела с собой целый отряд почтенных кумушек: монну Лизу, вдову посредника-спекулянта Доменико ди Бертоне; монну Антонию, вдову торговца скотом Джулиано Бонаккорси и мать Андреа, бывшего диакона из Санта-Кроче и бенефициария капеллы Сан-Маттео, а ныне приходского священника в Сан-Пьеро-ин-Витолини; и, наконец, монну Пиппу ди Превиконе.

Все они – друзья и подруги Антонио и его жены, монны Лючии, а Папино, Нанни и дон Пьеро – еще и соседи, как, впрочем, и Пьеро ди Доменико Камбини или кузнец Джусти ди Пьетро.

После крещения уставший старик Антонио возвращается домой. Однако он понимает, что осталось еще одно крайне важное дело. Негоже ведь, чтобы столь выдающееся событие, случившееся в семье, забылось, не оставив следа. И простейший способ предотвратить такое несчастье – записать.

Это Антонио знал всегда. С раннего детства его учили: того, что не запишешь, и не существует. Необходимо зафиксировать точку в потоке времени, отметить начало новой жизни в непрерывности прошлых и будущих существований. Запечатлеть мистическую встречу поколений.

Антонио открывает реестр, принадлежавший еще его отцу-нотариусу, серу Пьеро ди сер Гвидо. На протяжении многих лет он использовал последнюю, пустую страницу, чтобы вносить туда, словно в личную памятную книжку, заметки о рождении и крещении собственных детей: Пьеро, Джулиано, Виоланте и Франческо. В самом низу еще осталось немного места. Старик снова берет в руку перо, макает его в чернила и пишет: *«1452 / Родился у меня внук от сера Пьеро, моего сына, 15 апреля, в субботу, в 3 часа ночи. Наречен Лионардо. Крещен отцом Пьеро ди Бартоломео да Винчи, Папино ди Нанни Банти, Мео ди Тонино, Пьеро Сычом, Нанни ди Венцо, Ариго ди Джованни Тедеско, монной Лизой ди Доменико ди Бертоне, монной Антонией ди Джулиано, монной Николозой, вдовой Барны, монной Марией, дочерью Нанни ди Венцо, монной Пиппой ди*

*Превиконе*¹. «Наречен Лионардо». Странный выбор. В семье да Винчи так еще никогда и никого не называли.

Святой Леонард Ноблакский, лиможский отшельник, – святой, особо почитаемый в этих краях за помощь в двух одинаково сложных задачах: заключенным и рабам – освободиться от цепей, а женщинам – выносить трудную беременность. Красивое имя, заключающее в себе, как говорят, силу льва и жар пламени. Но в первую очередь это символ свободы.

Антонио может только гадать, будет ли малыш когда-нибудь носить фамилию да Винчи. Старик только за, но мальчик родился вне брака, и право на фамилию он получит только в том случае, если отец его узаконит, а Пьеро вполне способен этого не сделать. Впрочем, неважно. Отныне и навсегда ребенок будет зваться Леонардо ди сер Пьеро ди Антонио да Винчи: «внук мой от сера Пьеро, моего сына». Сойдет и так.

¹ ГАФ, «Нотариальные записи до Козимо I», 16912, лист 10v.

НОТАРИУСЫ И ТОРГОВЦЫ

Винчи, Флоренция, Барселона и Марокко, XIV–XV века

Название места рождения Леонардо, Винчи, совпадает с фамилией его семьи, да Винчи, в свою очередь произошедшей от родного городка. В какую эпоху? Вероятно, в тот момент, когда один из его предков, решившись круто изменить жизнь, оставил земледельческий край и перебрался в центр гражданской и политической жизни города-государства, что непрерывно наращивало мощь на протяжении всего XIII века: Флоренции.

Городок и замок Винчи, освободившись от феодального владычества графов Гвиди, связали свои судьбы со столицей еще в 1254 году и с тех пор, неизменно оставаясь верными партии гвельфов, наслаждались длительным периодом мира, наступившим во второй половине XIV века. В 1372 году власть от замкового кастеляна перешла в руки совета, состоящего из градоначальника-подеста, двух капитанов от партии гвельфов и тридцати советников.

Впрочем, к тому времени семейство да Винчи, хотя и сохранившее кое-какую недвижимость в городе и его окрестностях, уже переехало во Флоренцию в надежде вступить в один из Старших цехов, самых влиятельных корпораций города: цех судей и нотариусов. Первым нотариусом в семье, работавшим примерно с 1330 по 1360 год, был сер Гвидо ди Микеле, которому удалось добиться полноценного обучения профессии и допуска в цех для обоих сыновей, Пьеро и Джованни. Сер Пьеро, получив нотариальную инвеституру от графа Гвидо ди Баттифолле, избирался на ключевые посты, включая

и пост нотариуса Синьории, служил послом в Сассоферрато. Его карьера способствовала уверенному возвышению всего провинциального семейства в столице. До самой смерти в 1417 году сер Пьеро жил в богатом приходе Сан-Микеле-Бертельди квартала Санта-Мария-Новелла, по соседству со всей городской олигархией и всего в нескольких шагах от правительственных зданий.

Сер Джованни, начинавший вместе с братом во Флоренции, напротив, решил попытать счастья, эмигрировав в один из центров средиземноморского мира, Барселону, где располагалась богатая и многочисленная колония флорентийских купцов. Вместе с женой, Лоттьерой ди Франческо Беккануджи, он переехал в Каталонию, поселившись неподалеку от торговой галереи Льюджа-дель-Мар и строящегося грандиозного собора Санта-Мария-дель-Мар. Его сын Фрозино, получив гражданство, немедленно занялся перевозкой важнейших товаров, вроде тонкой шерсти и красителей, между Майоркой и Валенсией, в чем ему немало помогло тесное сотрудничество с компанией крупного торговца из Прато, Франческо ди Марко Датини.

Призрак несметных богатств и полной приключений заморской торговли оказался весьма притягателен. Вот и юный Антонио, сын сера Пьеро ди сер Гвидо, родившийся примерно в 1372 году, вместо того чтобы стать по примеру отца нотариусом, предпочел последовать за двоюродным братом Фрозино в Барселону.

Почти пятнадцать лет Антонио работал на кузена, уделяя особое внимание купле-продаже пряностей и сырья, необходимого для текстильной промышленности – сердца экономической мощи Флоренции и Тосканы. Бросая вызов опасностям, штормам и пиратам, он плавал из Барселоны и Валенсии на Майорку и в Марокко, путешествовал по караванным путям до Феса, столицы султаната, о чем отправлял из марокканских портов подробные коммерческие отчеты. А впоследствии обосновался в Барселоне, где вместе с Фрозино от имени короля Мартина I Гуманного взимал пошлины с флорентийских купцов.

В письмах кузену Фрозино упоминается также и имя его женщины, Виоланте. Но в какой-то момент Антонио неизвестно почему все бросил и вернулся в Тоскану. Один. И в возрасте за сорок, не имея ни имущества, ни профессии, не числясь в цехе, вынужден был начинать все сначала. Вторая жизнь, абсолютно новая и далеко не простая.

Научно-популярное издание
Танымал ғылыми басылым

СЕРИЯ «ПЕРСОНА»

ВЕЧЕ КАРЛО

Жизнь Леонардо

мальчишки из Винчи,
разностороннего гения, скитальца

Редактор А. Мотина
Выпускающий редактор Т. Маслова
Художественный редактор М. Левыкин
Технический редактор Л. Сеницына
Корректоры П. Шевнина, С. Луконина
Компьютерная верстка В. Демин

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 21.03.2025
Формат 72x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «OriginalGaramond».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 50,54.
Тираж 3000 экз. О-PRS-34911-01-R. Заказ №

Изготовитель:
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака КоЛибри
115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ
Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191024, г. Санкт-Петербург,
ул. Херсонская, д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Өндіруші:
«Издательская Группа «Азбука-Аттикус» ЖШҚ –
КоЛибри тауар белгісінің иесі
115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский
муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы «Азбука-Аттикус» Баспа
Тобы» ЖШҚ филиалы
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14-үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Федеральный закон № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью
и развитию» от 29.12.2010 г. не распространяется.

Балаларды денсаулығы мен дамуына зиян келтіретін ақпараттан қорғау туралы»
29.12.2010 ж. № 436-ФЗ Федералдық заңы қолданылмайды.

18+